

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Награда Ивану ГОЛУБНИЧЕМУ

НАШ АВТОР И ДРУГ, главный редактор газеты "Московский литератор", поэт Иван Юрьевич Голубничий удостоен высокой награды Туркменистана — юбилейной медали "К 300-летию Махтумули Фраги".

Медаль вручена "за большие заслуги в изучении, бережном сохранении и популяризации богатого и бесценного творческого наследия Махтумули Фраги".

По поручению президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова церемонию награждения провели председатель Меджлиса Дунягозель Гулманова и вице-премьер Мяхрид-жемал Маммедова.

В рамках Международного форума "Взаимосвязь времён и цивилизаций — основа мира и развития", прошедшего в Ашхабаде, медалими в честь выдающегося туркменского поэта были удостоены президент России Владимир Путин, а также главы стран СНГ, прибывшие на форум.

«ПОД СОЛНЦЕМ ОКТЯБРЯ»

Иван Макушок — это имя знакомо каждому, кто хоть сколько-нибудь интересуется современной общественно-политической жизнью России. А уж те, кому близок и дорог её державно-патриотический сектор, думаю, знают об этом человеке достаточно много важных подробностей. Хотя лично я совсем недавно обнаружил, что по профессии Макушок — врач-кардиолог, которого нехорошие, опасные для жизни шумы в сердце Отечества некогда заставили кардинально сменить род занятий.

Известно, что именно Иван Макушок ещё в 1990-е, когда в Кремле засели лжедемократы, прямые наследники лжедмитриев, стал одним из тех, кто создавал движение "Держава". Потом была работа в Народно-патриотическом Союзе России. А немного позже, когда от лжи, заполонившей эфир и газетные полосы, стало просто не продохнуть, Макушок организовал Агентство патриотической информации, и оно стало важным источником достоверных сведений о том, что творится на самом деле с нами и со страной.

Иван Макушок в качестве пресс-секретаря госсекретаря Союзного государства стоял, можно сказать, у начала сближения двух отчуждённых эпическим предательством элит братских республик, и это привело сегодня к стратегическому союзу Белоруссии и России, изменив расклад сил в зоне противостояния Русского Мира и Запада, консолидированного, спяного наследственным дармоедством.

В те годы мы и сошлись с Иваном. "Литературная газета" как раз затевала приложение "Лад", посвящённое современной белорусской культуре, — помощью пресс-

секретаря Павла Бородина и главного редактора созданного им, Иваном, журнала "Союзное государство" пришлось как нельзя кстати, чтобы преодолеть известное сопротивление. Какое, спросите? Обыкновенное. Это сейчас единство Москвы и Минска воспринимается как вечная данность, вроде снежного Казбека в ясный день. А двадцать с лишком лет назад даже "Российская газета" не отказывала себе в удовольствии проехаться по "последнему диктатору Европы", преврав то, что происходит в соседней Белоруссии. Так что "Литературка" шагнула тогда на бруствер дружбы и оказалась права.

Эти факты биографии Ивана Макушка хорошо известны, а вот про то, что он даровитый писатель, автор очень интересной прозы, знает не такой уж широкий круг людей, ибо стараниями "Роспечати" отечественная словесность почти превращена в узкую комнатку вербальных озорников. Мне нравится то, что пишет литератор Иван Макушок, он ироничен, чувствует время, примечает точные детали, органично переходит от реализма к гротеску и фантазмагории. У него есть свой, узнаваемый стиль, а это вообще редкость. И я думаю, массового читателя ещё ждёт незабываемая встреча с этим оригинальным отечественным поэтом и прозаиком, которому исполняется 65 лет. Юбилей, так сказать, промежуточный, но от этого не теряющий своей значимости для нас, друзей и соратников. Здоровья тебе, Иван Викторович, общественных свершений и творческих удач!

Твой Юрий Поляков

<p>ПОЙМИ ЖЕНЩИН</p> <p>Летают за границу Жениться. А я — разводитесь. Внезапно прерванный долгий спор, Чем не повод рвануть за бугор?</p> <p>Недовольной мной — Снял я номер. Просторный. Себе — в том же отеле. Спали раздельно, но ели...</p> <p>Ели, завтракая вместе, как прежде Я в мятной одежде И с перегаром — На пару. Пил жадно каждый раз водичку. Соседи думали — Недаром Решила она развестись.</p> <p>Соседей пленял её громкий шёпот, Она срывалась, посылала в ж... Я держался, как бы кино снимая, Моя сцена была немая.</p> <p>Я — расстроен, ... рассыпал по столу специи, Уронил потом соль, стул. Предложил на гондоле, — ... Мы же в Венеции? Подрулить к консульству.</p> <p>Нас там ждали поставить печать, На развод надо времени меньше. "Вы согласны?" — Отказалась она отвечать. Вот пойми после этого женщин...</p> <p>ОН</p> <p>Желая прошлого — грядущему, Стоял и каждому идущему Велел немедля возращения, — Обещая прощение. Меня окунул взглядом холодно, Но пристально, как будто смолodu Следил за мной, сверяя с истиной Мой путь. Я был единственным, Кому Он дал шануть...</p> <p>О ПРОСТОМ</p> <p>Дорогая, я вечером вышел из дома. Из дома, где ванна И экран у дивана. Щёлкать можно было каналы... Дуэтом. Стал одним, одиночным, ... вне возраста, пола и знака. Может, просто — дворовой собакой, Той, что встретила меня на улу. Она всё поняла, — своё, не лгу. И, легко повернув, не ласкаясь, Не прося ни о чём, не виляя хвостом, Просто рядом пошла. Будто зная, что будем вдвоём. И — молчать. О простом...</p> <p>ПИЛОТ</p> <p>Я — лечу! Я на работе. В полёте. У меня наготове от стресса — Стюардесса. Для меня обыденно Тысячи миль увиденных На посадке и взлёте Полос аэродромов. Я тронут, Когда аллодируют, вздохнув, Приветлившиеся. Спал. Пледом укрывшись я. Рассталкал сменил Вася. Вотвай! Опохмеляйся! Час, и пойду со склада. Блаеа, дом мой рядом. Сутки через двое. Голову поднял — небо! Такое родное...</p> <p>ЖАЛЬ НИКОЛАЯ</p> <p>Мне всегда было жаль Николая, Что столь нехотя правил страной. А она — расплескалась до края, Затопив его мутной волной...</p> <p>Он и плыть не хотел, и не верил, Что его разлюбивший народ</p>	<p>От штурвала оттащит на рею, Сам отправившись далее вброд.</p> <p>Сотню лет — разрыва, шивая, Как шинельку, границы свои Шла Россия. Но жаль Николая, Что стал свят, дав дорогу другим...</p> <p>ПРИВЫЧНО. БУДНИЧНО. ОБЫЧНО.</p> <p>Утро. Хмурые лица. Цветет серое космоса Айфона нового Эппла. Женщины курят, Тоску выжугая пеплом. Мутно... Хочу за границу! Нет, не страны, ... а тревожного разума, Постигающего безобразное. Хочу не видеть Ни больше, не меньше, Лучше — нисколько И — никаких Таких Женщин, Курящих в вечном падении, Согласованном прежде с их мнением, Привычным, будничным, обычным. Но нелепым. Идут, Выжугая пеплом, Остроу, как росчерк скул, — Тоску...</p> <p>РАССТРЕЛ</p> <p>Передёрнут затвор. И лицо передёрнуто. Ныне Ты для них, как повтор Раз простотренного Кинофильма. Нет восторга на лицах, Но нет и уныния! За тобой в стену шлепаясь, ... плещаясь пули. Пробивая на скором ходу Твои помыслы, смыслы, сомнения, Палачей, словно кукол, надули Духом смутного времени. И от Майдана — поныне Им приколбно скакать, Криком славу неся Украине. Им привычен повтор С частотой иностранного Герца. Передёрнув затвор, Продолжают стрелять в иноверца, Метаят в — русское. Попадают в своё, Попадают, не глядя, в своё — Православное сердце...</p> <p>ТОСТ (подражая Денису Давыдову)</p> <p>За дом, достаток, За покой... За быстротечность дней чудесных, За добрый нрав селянок местных, Не тронутых чужой рукой,</p> <p>За серп излучины реки, Блестящий на закате солнца, За прошлый век, — с ним у окна, Обняв печаль, пьют старики.</p> <p>Мир уходящих соткан ленью, Теченье плывет на погост, А мы за ярости мгновенье, За бой, за битвы гряднем тост!</p> <p>Дадим зарок (Хоть что нас спросит?) Создателя благодарить И пить, забыв про смерти косу В закате дней — зарёю бысть!</p> <p>ЧИСЛА ЧИСЕЛ</p> <p>В моей любви к тебе Нет преданного смысла Нет суеты, Нетерпеливых рук. В моей любви есть только числа: Цасов свиданий. Дней печали. Лет разлук...</p> <p>ВЕЛИКОЛЕПИЕ НУДНОГО</p> <p>...Она читала Газданова. Читала вслух. Я пытался шутить: Запоздала ты, Мой огонь потух. И его не вернуть сырыми спичками Прозы, метафорами напичканными. Не для этого я пришёл, не для книжек. Мне важнее твоих лодыжек, Что открыли короткие брюки, — Ничего нет. И дохну от скуки.</p> <p>Иван МАКУШОК</p>
--	--

МИНИ И МАКСИ! Ах, речь пойдёт не о юбках. Человека всегда волновали большие и малые величины, оттого-то и были изобретены микроскопы и телескопы, ибо наука — логическое продолжение любопытства. Гигантомания соседствует с манией миниатюр, а стремление отгрохать высоченную громадину, каковой ни у кого доселе не наблюдалось, созвучно желанию подковать блоху. Головокружительные порталы и пространства завораживают. Вещица, которую надобно рассматривать в лупу — тоже: "Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит. — Извольте, — говорят, — взять её на ладошечку — у неё в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдёт дансе..."

В Государственной Третьяковской галерее проходит выставка "От мала до велика", на которой явлены экстраординарные — по своим размерам — произведения из коллекций музея. Причем здесь нет полотен — лишь большие рисунки и крошечные миниатюры. Появление и тех и других складывается в удивительную историю — пики активного интереса к необычному формату чередовались с годами забывания.

Начнём с крохотных портретиков, созданных в XVIII-XIX веках. Эти изображения помещались на табакерки, медальоны, дарились возлюбленным и супругам. Вот работа Августина Христиана Ритта — видного миниатюриста из питерских немцев. Его заказчики — все сплошь представители бомонда! Сколь дивен портрет Елизаветы Демидовой, урождённой Строгановой. Это юная красавица, не достигнув и пятнадцати лет, вышла замуж за Николая Демидова, владельца рудников и заводов на Урале и в Сибири. На миниатюре она обрисована в фантазийно-античном образе. Тогда из моды вышли фижмы да

НЕОБЫЧНЫЙ ФОРМАТ

Экспозиция в Третьяковской галерее

высокие причёски, уступив место грекоримской папидарности.

На стенде несколько силуэтов 1790-х годов, выполненных в технике эгломизе — популярной в конце XVIII века манере нанесения декора из металлической фольги на стекло. Verte églomisé — стекло эгломизе так названо в честь французского рисовальщика, гравёра, антиквара и мастера по изготовлению зеркальных рам Жана-Батиста Гломи. С помощью вставок эгломизе декорировали мебель и различные предметы домашнего обихода, но чаще техника использовалась для выполнения памятных медальонов.

Припомнили и Михаила Теребенёва, акварелиста и автора жанровых сценко. Но более всего он прославился миниатюрами, которые заказывали ему светские львы и львицы, сановники и их жёны. Славен портрет Алексея Захаровича Хитрово, персоны приметной, — в Отечественную войну 1812 года он был членом комиссии Санкт-Петербургского ополчения, а в мирное время участвовал в комиссии по постройке Исаакиевского собора. На миниатюре Теребенёва этот мощный персонаж изображён в форменном фраке Министерства финансов с орденами Белого Орла и Святого Владимира II степени.

А вот — Екатерина Телешова, чарующая русская балерина, ученица того самого Шарля Дидло, которого Александр Пушкин упоминал в своём "Евгении Онегине". Телешова обладала прелекательной наукозностью и природной грацией, а потому блистала в ведущих ролях. На миниатюре, созданной Пьетро Росси, она в роли Луизы из оперы-балета "Дезертир" Жана Добервала. Отменно выписано и лицо актрисы, и её кокетливое сине-белое платье, и розы на головном уборе.

Невероятно торжественен портрет череваны Ольги Николаевны, средней дочери Николая I, будущей королевы Вюртемберга. Миниатюру создал итальянец Франческо Сакко. Замечательен и фон — вид на гору Пеллегриню. У её подножия раскинулся Палермо, где и был написан портрет. В очертаниях горы слева, на вершине утёса, виднеется силуэт церкви святой Розалии, покровительницы Палермо. Это напоминание о городе, где Ольга Николаевна в 1846 году встретилась со своим будущим супругом — Карлом Вюртембергским.

В экспозиции представлены работы знакового миниатюриста Алоизия Рокштуля — одного из портретистов императорской фамилии. Художник умело и чётко балансировал между пафосом и лирикой, создавая живые, нежные и меж тем презентабельные изображения. Так, волшебен образ Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, — белокурой завитки, эльфийские чары и затёная грусть. Этот портрет Рокштуль создал, будучи девятнадцатилетним юношей, и потому остро ощущает восторг, испытанный художником перед пленительной женщиной.

Далее по курсу — крохотные рисунки Серебряного века. Вот стэнд, посвящённый пейзажам и бытовым зарисовкам Виктора Борисова-Мусатова — "На станции", "В ожидании гостей", "Домашний концерт", "Улица. Дождь", "Крымский этюд", "Молёбен на станции железной дороги". Картинки точны и динамичны. Это не похоже на привычного нам Борисова-Мусатова с его печально-полупро-

зрачными красавицами былых времён — то ли воспоминаниями, то ли видениями. А вот и Константин Сомов, также предпочитавший давно ушедшие эпохи, и тут он верен себе. "Старая кокетка" — тут ирония, почти сатира: немолодая причудница с пышной кудрявой, каковые были в ходу при Марии-Антуанетте, глядится в зеркальце. Лицо её усыпано мушками, а рука жеманно прикладывает цветочек к фальшивым бжкам. Ещё — загадочная дама в розовом наряде и маскарадной маске. Или "Анонимное письмо" с разодетой франтихой, что-то пишущей по неизвестному нам адресу. Имеются и виньетки, созданные Константином Сомовым для книг и печатных изданий. А тут — не характерный для мастера пейзажик "Восход луны", в коем нет ни капли игры — один реализм.

МЫ ЖЕ ПЕРЕХОДИМ к большим формам — гигантским рисункам. Некоторые из оных имеют высоту два с половиной метра. Пред нами работа Ильи Репина: гордо-надменное лицо Элеоноры Дузе — ярчайшей звезды подмостков. Итальянская дива была антиподом Сары Бернар и главной её соперницей. Больше того, многие современники отдавали именно Дузе пальму первенства. Муза и любовница Габриэле д'Аннунцио (впрочем, не только его), Дузе считалась некрасивой и тем не менее ярой. Её игру признавали божественной. "Но попробуй похвалить при ней Дузе!" — восклицал чеховский Треплев, иронизируя по поводу своей матери-лицедейки. Репин был гениальным рисовальщиком, а потому до мельчайших тонкостей подчеркнул натуру актрисы.

Рядом — портрет Марии Тенишевой, меценатки, дружившей с Репиным. Изыдшаяшая аристократка, светская мадам, она слыла ещё и превеликой поклонницей народных традиций. Тенишева коллекционировала крестьянские предметы быта и деревенское кружево, способствовала возрождению промыслов. Её собрание имело успех в Париже, а пресыщенные французов не так легко удивить чем бы то ни было. Мастерские в Талашинском — это её проект. Но только ли покровительница талантов? Ещё и педагог, художник-эмаляр, театралка. Серебряный век вызвал к жизни появление разносторонних личностей, сочетавших богатство, пылкий разум и творческие способности. Тенишева показана с папиротой и кистями, в глубоком раздумье. Собственно, Репин видел в ней коллегу, а не только меценатку.

Чудесный график Василий Мешков представлен портретом Евдокии Рукавишниковой, урождённой Мамонтовой. Она посвятила жизнь исключительно благотворительной деятельности. Сначала помогала мужу в организации работы Рукавишниковского приюта, а затем стала действовать самостоятельно. Её дела колоссальны — больницы, храмы, школы. За каждым произведением биография. Да что там? История России!

Шикарная балерина Елена Смирнова в исполнении Александра Головина — смеющаяся брונетка в шубе и чёрной шляпе с зелёной отделкой. Смирнова, начав с небольших партий, потом сделалась одной из танцевальных прим Мариинского театра, и темпераментный рисунок Головина сделан в момент славы, когда Смирнова блистала в роли принцессы Авроры — главной героини "Спящей красавицы". В 1920-х

балерина покинула Россию и обосновалась в Латинской Америке. Там её помнят гораздо лучше, чем у нас — это примечательно, хотя и неудивительно.

Выразителен портрет Николая Рериха, также сделанный Александром Головиным. Как и в случае с изображением Смирновой, это пастель и темпера — излюбленное сочетание Головина. Портрет был исполнен по заказу Николая Рябушинского для галереи журнала "Золотое руно", представлявшего современных деятелей искусства. Невтривален фон — дощатый пол мастерской. И всё. Словно бы Головин решил не отвлекать зрителя от своей модели. Кроме того, художник усилил монголоидные черты Рериха, придав ему сходство с восточным божеством.

ЭКСПОЗИЦИЯ ПОЗВОЛЯЕТ уяснить, что в конце XIX — начале XX века были актуальны гигантские картины, в том числе рисунки. Так, мы наблюдаем работы Валентина Серова. Допустим, ростовой портрет Фёдора Шаляпина, с которым художник не просто сотрудничал, но и дружил. Поэтому портрет вышел невероятно тёплым. Дочь Шаляпина вспоминала: "В большом зале, где стоял рояль и где работал отец, Серов написал его портрет угляём, во весь рост. Отец охотно позировал Валентину Александровичу. Глубокие восхищение мастерством Серова заставило и самого Фёдора Ивановича взять карандаш. Подражая манере Серова, Фёдор Иванович двумя-тремя линиями удивительно верно умел передать сходство. Об этом наглядно говорят его автопортреты и другие рисунки".

Чуть поодаль — нарисованная угляём книгина Полина Щербатова, которая позировала многим мастерам, в частности Василию Сурикову. Но здесь представлен портрет, сотворённый Валентином Серовым. Эта вещь — последняя в его жизни и является наброском к не случившейся картине. Инициатива создания принадлежала мужу модели — князю Сергею Щербатову. Живописец долго не мог уловить подходящей ракурсы, и наконец точка была найдена — книгина застыла посреди комнаты, положив руку на старинный вазон. Угольный рисунок передаёт спокойные линии её фигуры и струящуюся прелесть платья.

Какой же разговор о Серебряном веке без упоминания о религиозных бдениях и богоискательстве, иной раз граничившем с ересью? Тогдашние церкви уникальны в своём изощрённом орнаментализме, поисках и метаниях. Византийская строгость смешивалась с импрессионистским порывом, а глаза святых пугали глубиной, точно омуты. Вот эскиз Михаила Врубеля "Богоматерь с Младенцем". Дева Мария предназначалась для иконостаса Кирилловской церкви в Киеве. У Врубеля божественное смешивалось с демоническим, и потому его иконы лучше иных отражали прихотливую эру модерна.

Конечно, собрать под единой вывеской большие и малые формы — это концептуальная уловка, однако она удалась: выставка обширна, полновесна и креативна. В хорошем смысле этого слова.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Портрет книгин Полины Щербатовой». Художник Валентин Серов. 1911 г.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Ушёл Евгений Михайлович ЦАПЛИН

6 октября 2024 года на 97-м году жизни скончался Евгений Цаплин, один из старейших читателей нашей газеты, энергичный, яркий, коренной русский человек.

Заслуженный работник сельского хозяйства РФ, награждённый орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, Евгений Михайлович руководил объединением зерновых совхозов, в которое входили 42 хозяйства десяти районов Саратовской области.

Будучи племянником всемирно известного скульптора Дмитрия Филипповича Цаплина, он очень много сделал для сохранения памяти о своём дяде. Его воспоминания стали отправной точкой для создания книги-альбома о скульпторе Цаплине (Новиков Е.А. "Я делал своё искусство для моего народа". Скульптор Д.Ф. Цаплин. — М.: Наше Завтра, 2021).

Редакция газеты "Завтра" и коллектив издательства "Наше Завтра" выражают искренние соболезнования родным и близким Евгения Михайловича.